

1 - МАЯ 1979

◆ ГЕРОИ СПЕКТАКЛЕЙ ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

ВСЕ МЫ — ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

— Вай-вай! Сколько хороших гостей собралось за нашим праздничным столом! С высоких гор спустился грузинский виноградарь Агабо, из снежных просторов на оленях примчался чукча Татай, с Янтарного берега приехал латышский рыбак Арнис, зашли на огонек азербайджанский студент Алик и профессор Хорадзе. А в том конце стола — видите? — оживленно беседуют узбеки: бывший моряк Рахмет Алиев и шахтер Ингалев.

— Позвольте, но перечислили гостей больше, чем их есть на самом деле.

— Ничего удивительного! Разве не догадываетесь, что это герои спектаклей свердловских театров. Туркмен Гасанов, татарин Курмангалиев, узбек Ингалев и даже цыганка из комедии «Вас вызывает Таймыр» представлены здесь актером Валерием Величко, а Арнис, Алик и Агабо — это Семен Духовный...

Тогда все ясно. За черной сванеткой и рыжими усами и впрямь угадывается знакомое лицо Игоря Белозерова, под длинным малахаем с меховой оторочкой скрывается Николай Бадьев, а за грузинским акцентом доктора Хорадзе слышится голос Александра Петрова.

— Пожалуйста, снимите парики, снимите грим, товарищи артисты! Помните, как создавали вы на сцене образы наших современников, разных представителей братской семьи, чем запомнились они вам.

— Я убежден, — начинает разговор С. Духовный, — что, независимо от языка и внешних примет, у людей всех национальностей, если это люди труда, много общего. Из детства, юности приходят на память знакомые мне молдаване, их жесткие и темные от земли руки, выжженные солнцем лица. Разве не такое же лицо и не такие же руки у виноградаря Агабо («Пока арба не перевернулась»), чью роль я сейчас готовлю. Думаю, что и молодой рыбак Арнис продубел под соленым ветром Балтики. Перень он, если помните спектакль «Парни Янтарного берега», гордый, самолюбивый, своенравный, за что его даже исключили из коллектива, но потом он сам понимает, что без моря, без верных друзей ему не жить. Эта преданность своему делу, своей земле роднит моих героев. Агабо выписан драматургом интереснее всех, с ярко выраженным национальным колоритом. Его философия мудра. Старый горец возвращает нас к истокам грузинского трудолюбия и оптимизма. Какая богатая личность! Ой, что это я все о будущей роли? Мы, актеры, признайтесь, народ немного суеверный...

«Татай в шаман не верит. А может, шаман все же есть?» — словами чуки из «Требуется героиня» весело вступает в беседу Н. Бадьев и для большей наглядности привстает с места, покачивается на согнутых ногах, как это делал его герой от постоянной привычки ходить на лыжах. — «Самолет — хорошо, пароход — хорошо, а на печке лучше». Татай — мужественный человек, северный, но работает он истопником, и, конечно, печка ему дороже всего. Рахмет Алиев из «Севастопольского вальса» с такими строчками явно бы не согласился. Для него лучше всего — пароход, боевой корабль.

— Когда я искал черты своего Рахмета, — уже всерьез продолжает Бадьев, — то часто вспоминал фронтового товарища, тоже, кстати, узбека. Был у нас в армии такой интересный человек. Когда метким выстрелом он поражал врага, то громко восклицал и целовал свою винтовку. Память о бывшем однополчанине помогла мне в создании образа.

— А мне с трудом давался Гасанов, его говор, — вспоминает В. Величко. — Я тогда еще был студентом, и режиссер послал меня на базар, чтобы я присмотрелся к «восточным людям». Помню настороженные взгляды, когда я крутился вокруг прилавков. Но интонации их я уловил, и они еще не раз

пригодились мне в актерской работе. Все мои национальные герои были люди трудные, общественно активные, достойные представители своих народов.

— Расскажи еще, как ты цыганку играл, — напомнил кто-то из сидящих за столом.

— А-а, это было забавно, — оживился Валерий. — Меня обрядили в длинное платье, и я на сцене лихо плясал, вызывая в зале гомерический хохот. Некоторые зрители после интересовались у билетеров: «Где это они нашли такую крупную женщину?» И по программке уточняли: «Величко — ее фамилия».

По-разному постигаются образы: актеры мобилизуют собственное наблюдение, опираются на жизненный опыт, ищут схожих людей в литературе, кинематографии, вокруг себя.

Артист драмы А. Петров встретился с прообразом своего профессора Хорадзе (его настоящая фамилия другая) уже после того, как исполнил эту роль на сцене. Встретился... на документальном экране телевизора. По пьесе коллега доктора Назарова — талантливый врач, но погнался в свое время за столичной должностью, за славой. Потом он снова возвращается в Зугдиди, чтобы стоять за операционным столом. Дальнейшая его судьба на сцене не прослеживается. Ученый-врач, который послужил прообразом этого героя, недавно выступал по телевизору, он стал ныне лауреатом Леннинской премии за разработку своих методов лечения.

Как бы ни была умна и талантлива драматургия, настоящая жизнь всегда богаче и многообразнее, лепит такие неповторимые судьбы и характеры, что не придумаешь. Сцена лишь приближает к нам крупным планом то, что в жизни мы не всегда успеваем заметить, рассмотреть, исследовать. Приближает и лишней раз заставляет задуматься над чем-то очень важным. В спектаклях, чьи герои собрались сегодня за нашим «круглым столом», за разными перипетиями событий явственно звучит еще тема дружбы, духовного родства советских народов.

Старый грузинский пчеловод мудрый старик Амбако из спектакля «Оглянись, Гия!» — неизменный тамада на сельских праздниках, чьи тосты всегда образны, возвышенны и по-восточному витиеваты, мог бы, наверное, выразить ее так:

Свяжите ниткой лапки
воробью —
Он улетит, порвав ту
нитку в клювья.
А если нитки все
соединить в единую,
То можно поручиться —
Ни лев, ни тигр, ни
львица, ни тигрица
Не смогут разорвать
такую нить,
И в этом сила нашей
дружбы...

Хороший тост, не правда ли?

Репортаж из-за «круглого

стола» вела

В. СТРОВСКАЯ.